
DOI 10.15826/QR.2015.4.126

УДК 070.23(1-37):316.334.56+621)
(470.54-25)(091

Елена Ефремова

**«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД-САД»: УТОПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
ГОРОДА В ЗАВОДСКОЙ ГАЗЕТЕ УРАЛМАША**

Elena Efremova

***HERE WILL BE A GARDEN-CITY: UTOPIAN IMAGE
OF A CITY IN THE URALMASH PLANT NEWSPAPER***

The article introduces the previously unstudied heavy engineering Uralmash Plant newspaper *Za Tyazheloye Mashinostroyeniye* published between 1934 and 1937; the newspaper is studied as a meta-text and a historical literary source where the editors and party leaders created a utopian image of an ideal city. During the period in question, L. L. Averbakh was secretary of the plant party committee and later secretary of the Ordzhonikidze district committee of Sverdlovsk, and partook in creative writing and literary criticism. The author analyzes the stylistic peculiarities of the key text underlying utopianism in the newspaper, *To Herbert G. Wells. My Country and Uralmash in 1950* that creates an image of a future city based on the comparison of an imaginative future with the most urgent issues of reality. The author makes a supposition that it was L. L. Averbakh who authored the article as he had a substantial experience of editorial work and enthusiastically participated in the newspaper publication process. The article describes the main methods the Editorial Board used to create the image of a socialist city of the future and its introduction to the reader as one existing in reality. The fact that the editors of the newspaper perceived the Uralmash Plant as a single unity is proved by the choice of lexical means employed to characterize it, namely, “the socialist city”, “our city”, “the city of Uralmash”, “the city of Soviet machines”, “the city of happiness”, “Sergo-City”, “beautiful Uralmash”. The article explores the role the Editorial Board assigned to the dwellers of Uralmash district; provided they observed the limits, they were allowed to criticize certain shortcomings, while the authors of articles used a multitude of grammar means (such as plural forms of first person proper pronouns and verbs) to create an illusion of conjoint actions. Together with the image of a new city of happiness, the newspaper of the Plant created a new calendar based on the date the Uralmash was launched which also manifested itself through other memorable dates. The shift to a new calendar is also emphasized by the constant contrast of the old world and the new one as well as the creation of an image of people of a new era. The author analyzes the image

of the inhabitants of the utopian city who are described by means of constant metonymies *gold* and *currency fund*, and reveals the special everyday life canon of the first developers of the plant and determines the role the newspaper played in the process of Uralmash district population formation with them starting to realize their being a special group of people, standing higher than others up the social ladder. Additionally, the article explores the theme of childhood and the succession of generations in newspaper articles: it was children that were meant to become the lofty aim of the future for whose sake the constructors of the socialist city had to overcome so many hardships. The author singles out a number of lexical units recurrent in the articles such as *happiness, joy, rejoicement* used in different grammar forms to create the emotional tone of the newspaper. It turning to books published during the 1950s and devoted to the history of the Uralmash plant and to the memoirs of the inhabitants of the district leads the author to conclude that the basic elements of utopia one finds in the newspaper *Za Tyazheloye Mashinostroyeniye* got deeply rooted in the district's inhabitants' minds and formed their identity.

Keywords: utopia; Uralmash; UZTM; socialist city; garden-city; plant newspaper; factory newspaper; *Za Tyazheloye Mashinostroyeniye*; L. L. Averbakh.

Заводская газета Уральского завода тяжелого машиностроения «За тяжелое машиностроение» за 1934–1937 гг. впервые вводится как историко-литературный источник в научный оборот и рассматривается как метатекст, в котором усилиями редакции и партийного руководства создается утопический образ идеального города. В это время секретарем парткома завода, а затем секретарем Орджоникидзевского райкома партии г. Свердловска был Л. Л. Авербах, причастный к писательскому творчеству и литературной критике. Автор анализирует стилистические особенности ключевого для реализации утопии текста «Мистеру Герберту Дж. Уэльсу. Моя страна и Уралмаш в 1950 г.», в котором образ будущего города создается на основе сопоставления фантастического будущего с решением наиболее острых проблем современности. Делается предположение о возможном авторстве Л. Л. Авербаха, имевшего большой опыт редакторской работы и активно участвовавшего в создании заводской газеты. Выделяются основные приемы, использовавшиеся редакцией для создания образа социалистического города будущего и презентации его читателям как реально существующего. Тот факт, что Уралмаш осознавался в эти годы создателями газеты именно как отдельная единица, подтверждается прежде всего выбором лексических средств для его наименования: «социалистический город», «наш город», «город УЗТМ», «город Уралмаша», «город советских машин», «город счастья», «город-Серго», «красавец Уралмаш». Рассматривается, какую роль в процессе создания газеты отводила редакция самим жителям Уралмаша: в рамках дозволенного они могли критиковать конкретные недостатки, а авторы статей активно использовали грамматические средства языка (форму множественного числа личных местоимений и глаголов), чтобы создать иллю-

зию совместного действия. Наряду с образом нового города-счастья, на страницах газеты ЗТМ создается новое летоисчисление, берущее начало с момента пуска завода, но проявляющееся и в других «памятных» датах. Переход к новому времени подчеркивается и постоянно используемым на страницах газеты приемом противопоставления нового мира старому, созданием образа «новых людей новой эпохи». Анализируется образ жителей утопического города, по отношению к которым используются ставшие постоянными метонимии «золотой» и «валютный» фонд, является своеобразный «житийный» канон первых строителей завода, определяется роль заводской газеты в процессе формирования идентичности населения Уралмаша, начинавшего осознавать свою принадлежность к особенной группе людей, стоящей на более высокой ступеньке общественной лестницы. Рассматривается репрезентация темы детства и преемственности поколений в газетных статьях: именно дети должны были стать той высокой целью в будущем, ради которой строители социалистического города преодолевали столько трудностей. Выделяется постоянный повтор таких лексических единиц, как «счастье», «веселье» и «радость», используемых в разных грамматических формах, благодаря которым создается эмоциональный фон газеты. Обращение к книгам, вышедшим в 1950-е гг. и посвященным истории Уралмаша, и к воспоминаниям жителей этого района позволяет констатировать, что основные элементы утопии, представляемые на страницах газеты «За тяжелое машиностроение» как осуществляющееся на глазах действие, прочно закрепились в сознании уралмашевцев и сформировали их идентичность.

Ключевые слова: утопия; Уралмаш; УЗТМ; социалистический город; город-сад; заводская газета; многотиражная газета; «За тяжелое машиностроение»; Л. Л. Авербах.

В стихотворении В. В. Маяковского «Екатеринбург – Свердловск» впервые появляется образ «новорожденного города», который отказался от прошлого («У этого города нету традиций, / Бульвара, дворца, фонтана и неги»), не имеет настоящего («У нас на глазах городище родится / Из воли Урала, труда и энергии»), но весь устремлен к созданию будущего: «как будто у города нет “сегодня”, / А только – “завтра” или “вчера”» [Маяковский]. Это стихотворение было написано на основе личных впечатлений и беседы с председателем окружного исполкома Парамоновым после посещения поэтом Свердловска 26–30 января 1928 г.⁵ Но в еще большей степени в этом тексте воплотился первый этап создания социалистического города Уралмаша, который сначала позиционировался властью как новый город и действительно словно не имел прошлого, так как строился на неосвоенной территории в нескольких километрах к северу от Екатеринбурга. Летом 1926 г. на строительной площадке начали вырубать лес, строилась железно-

⁵ Подробнее о разговоре Маяковского с Парамоновым и обстоятельствах создания стихотворения см.: [Земсков, с. 132–133].

дорожная ветка, хотя точное место строительства было определено только в сентябре 1927 г. [Неизвестный Уралмаш, с. 11]. Торжественная закладка первого камня в фундамент цеха металлоконструкций состоялась 15 июля 1928 г. [Там же, с. 14], однако вполне вероятно, что В. В. Маяковский мог знать о грандиозных планах из разговоров с руководителями города. В этих планах, обсуждавшихся с лета 1927 г., Уралмаш должен был стать претворенной в жизнь утопией – идеальным социалистическим городом.

Утопия власти

Утопия как воплощение идеального общественного строя или проекта социальных преобразований ассоциируется прежде всего с созданием идеала всеобщего, равного для всех счастливого будущего. Вера в возможность ее воплощения становится стимулом к свержению существующего строя, формируя механизм подавления: «всякая революция – это соединение утопии и традиции на гребне человеческих надежд и отчаяния» [Булдаков, с. 720]. Анализируя преимущественно документы личного характера, большую часть которых занимают письма, поступавшие Сталину, В. П. Булдаков заключает, что уже в 1920-е гг. будущее системы «зависело от способности выработать своего рода управленческий опиум, базирующийся на способности верхов адекватно реагировать на любые, включая самые болезненные психосоциальные импульсы, исходящие снизу» [Там же, с. 722]. Спасти от тотального взаимного недоверия и внутренней войны, как считает автор исследования, могло «лишь ощущение "осажденной крепости"», что и «обеспечило движение от "власти утопии" к "утопии власти"» [Там же, с. 723]. Как иронично отмечает Д. Шушарин в комментариях к сатирическому журналу «Крокодил», «главный вопрос любой революции вовсе не о власти», которую берет тот, кто успел первым: «Утро революционного похмелья начинается с вопроса "за что боролись?"» [История глазами Крокодила, с. 36]. Ответ наглядно демонстрируют журнальные иллюстрации: «Первое, что пришло в голову имиджмейкерам нового мира, – строка из "Интернационала": "...мы наш, мы новый мир построим"», причем новый мир виделся где-то в далекой перспективе, а в настоящем – общий тяжелый труд на стройках, оправданный высокой целью [Там же]. «Утопия власти» формулируется прежде всего как строительство нового мира, наглядным образом которого становится индустриальный пейзаж с миниатюрными фигурками людей на фоне гигантских строений, причем размер изображенных объектов должен помочь зрителю расставить приоритеты.

Реализация утопии, заключающаяся в строительстве городов будущего, была инициирована властью, а не архитекторами: «В реальности эти установки как обоснование для появления в конце 1920-х – начале 1930-х гг. проектов домов-коммун, жилкомбинатов, жилых комплексов

и прочих предложений по новой организации быта... были порождены в недрах партгосаппарата и разрабатывались, судя по словам одного из авторов концепции “казарменных соцгородов” Л. Сабсовича, по заказу ВСНХ» [Меерович, Конышева, Хмельницкий, с. 19]. Однако в тот момент, когда градостроительные идеи были сформулированы архитекторами и изложены на страницах профессиональной печати, власть отвергла как урбанистические, так и дезурбанистические теории, поскольку в них не решалась основная задача – использовать жилище «как мощное и эффективное средство управления людьми» [Меерович, с. 5]. Как полагают исследователи, окончанием дискуссии архитекторов можно считать опубликованное в «Правде» постановление Оргбюро, официально представленное как постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г., в котором порицались попытки Сабсовича и других архитекторов исключительно за счет государства обобществить все стороны быта трудящихся, включая питание, жилье, воспитание детей отдельно от родителей, запретить индивидуальный прием пищи и т. п.: «Проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического быта» [Меерович, Конышева, Хмельницкий, с. 186]. Все силы и ресурсы должны были сосредоточиться на возведении индустриальных объектов, и только потом, по остаточному принципу, вокруг них должны были создаваться жилищные условия для работающих на этих предприятиях: «Руководство страной видело предназначение архитекторов... не в том, чтобы формировать полноценную и красивую среду обитания людей, а в том, чтобы в как можно более короткие сроки обеспечивать руководство промышленных ведомств проектной документацией для размещения необходимых ему трудовых масс» [Конышева, с. 218]. Исключением можно считать строительство первых станций московского метрополитена, роскошное убранство которых должно было подчеркнуть, особенно для иностранных гостей города, что это не просто вершина технического прогресса, а воплощенная в жизнь мечта: «Метрополитен при этом все же не был простым отблеском далекой утопии, но служил реальным прообразом скорого наступления светлого будущего» [Нойтатц, с. 655]. В качестве подтверждения этой мысли исследователь цитирует речь Кагановича, произнесенную 14 мая 1935 г.: «Не случайно метро любят не только москвичи, но и люди всей страны. Делегаты съезда Советов и съезда колхозников, проехавшие на метро, увидели в нем олицетворение своего недалекого будущего. Они не завидуют, что в Москве возведено такое сооружение, но говорят: если наше рабоче-крестьянское правительство смогло создать под землей такое сооружение, то оно сможет повести нас в других городах и колхозной деревне к зажиточной и культурной жизни» [Там же]. Также выбивается из общего принципа экономии на строительстве неиндустриальных объектов в соцгородах возведение некоторых других объектов: комплекса

домов для заводской элиты в районе площади Первой пятилетки на Уралмаше, который в народе стали называть «дворянским гнездом»; женского общежития, неофициально именовавшегося «Мадридом» и изначально проектировавшегося как гостиница для приезжающих на завод специалистов – пятиэтажного дома с балконами и лоджиями, украшенного колоннами и лепниной; первого в Свердловске звукового кинотеатра «Темп»; громадного стадиона, на тот момент четвертого в СССР по количеству мест для болельщиков.

В отличие от архитектурной утопии, предполагающей большие материальные и человеческие ресурсы для воплощения мечты, литература требует гораздо меньших затрат, чтобы создавать образы нового счастливого мира¹. В. В. Маяковский, продолжая тему рождения идеального города, впервые прозвучавшую в Свердловске, в 1929 г. пишет стихотворение о Кузнецкстрое, в котором рефреном повторяются строки: «Через четыре года здесь будет город-сад». Этот лексический повтор и безапелляционная уверенность в будущем, передаваемая также анафорой: «Я знаю – город будет, / Я знаю – саду цвезть», должны полностью затмить описание всех тягот строительства нового мира, когда «вода и под и над», «сливеют губы с холода», «светла промозглость корчею» и т. п. [Маяковский, 1958, с. 128–129]. Атрибуты города-сада – шахта стоугольного «Гиганта», стены строек, гудки, сотни солнц мартенов и... дом хороший и «ситный без пайка». Вот тот предел мечтаний строителей идеального города будущего, ради которого они без усталости работают в нечеловеческих условиях.

Ответ Герберту Уэллсу

Масштабно и планомерно утопический образ идеального города начинает создаваться в заводской многотиражной газете «За тяжелое машиностроение» (далее – «ЗТМ»), издававшейся на Уралмаше². Если объединить все выпуски газеты в единый метатекст, то он будет полностью соответствовать поэтике классической утопии, основной задачей которой было «не изображение характеров и обстоятельств, а сообщение читателю максимума информации о социальном устройстве вымышленного мира» [Ковтун, с. 89]. 7 ноября 1935 г. в газете «ЗТМ» было опубликовано открытое письмо слесаря чугунолитейного цеха Уралмашзавода Н. Д. Вольхина «Мистеру Герберту Дж. Уэллсу», с подзаголовком «Моя страна и Уралмаш в 1950 г.».

¹ В 1923 г. выходит роман А. Толстого «Аэлита», в котором местом действия для реализации утопии о новом мире выбран Марс, а через год – фильм с одноименным названием. Однако создание городов будущего даже только в виде художественных образов реализуется не позднее первой половины 1930-х гг., пока власть не выбрала другие приоритеты для писателей и поэтов. В 1937–1939 гг. «Аэлита» переиздается несколько раз в адаптированном для детей виде, а все последующие издания выходят только начиная с 1955 г., окончательно потеряв актуальность.

² Издавалась на Уралмаше с июля 1932 г. под названием «За уральский блюминг», с июля 1934 г. – «За тяжелое машиностроение».

Хотя события, описываемые в нем, должны будут произойти только через 15 лет, что заведомо придает фантастический колорит повествованию, образ будущего города создается в нем не на основе вымышленных фактов, а на примере демонстрации наиболее злободневных современных проблем³. Автор пишет о том, что на Уралмаше появилась своя Красная площадь, окруженная зеленым парком и дворцом с мраморными лестницами, за стадионом – аэропорт, при котором организованы курсы по изучению «ракетного корабля дедушки Циолковского для того, чтобы достичь Луны, Марса», около завода – фруктовый сад, в котором растут виноград и яблоки; на улицах работают газоуловители и специальные пылесосы; огромный проспект, по которому мчатся красивые и удобные троллейбусы, автобусы, автомобили, соединил район и город; утром рабочие отправляются в цеха на собственных автомобилях не по заводскому гудку, а по сигналу встроенного в каждой квартире автоматического звонка; начальник цеха общается с мастерами при помощи специального стекла на стене, на котором появляется изображение говорящего и слышен его голос. Завершают картину фантастического будущего «грандиозный карнавал и первый полет ракетного корабля на Марс».

О проблемах, которые должны были решать городские власти буквально за полтора года до публикации этой статьи, можно узнать из постановления бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 11 марта 1934 г. «О мерах борьбы с хулиганством на Уралмашзаводе»: для борьбы с «хулиганскими действиями деклассированного элемента» партийные органы планировали «ввести постоянную систему» лекций, концертов, вечеров самодеятельности, «ставя задачей охват всего свободного времени рабочих», «развернуть массовую физкультурно-оздоровительную работу», построить стадион, однодневный дом отдыха для рабочих, организовать регулярное движение транспорта между Уралмашем и городом, осветить все окраины; для «борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью» открыть общую и детскую библиотеки, построить ледяные горки, качели и т. п., «способствующие удержанию детей от разлагающего влияния улицы», организовать летнюю оздоровительную кампанию, отправляя детей в лагерь [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 33. Л. 29–31]. Таким образом, по мысли создателя утопического обра-

³ Подобный прием уже использовался для создания фантастического образа Екатеринбурга как города будущего. 5 января 1898 г. в газете «Урал» был опубликован рассказ «Через сто лет. (Новогодние иллюзии)», в котором главный герой, уснув в новогоднюю ночь, видит, что в Екатеринбурге спустя столетие появились изящно одетые вежливые извозчики; прогноз погоды усовершенствован настолько, что с точностью до минуты показывает появление на горизонте небольшого облачка; улицы, заасфальтированные по краям и зацементированные по центру, освещены электрическими фонарями и застроены шести- и восьмизэтажными домами; спиртные напитки употребляют только больные по рецепту врача; о домах трудолюбия и ночлежных приютах никто не помнит и т. п. Причем изменились именно те стороны жизни, которые не раз неоднократно критически освещались на страницах местной прессы.

за Уралмаша, такие приметы реальной жизни, как преступность, беспризорность, отсутствие нормальных жилищных условий и городской инфраструктуры, должны были вскоре уйти в прошлое, а на смену им должна была прийти тщательно организованная с точностью до минуты жизнь в благоустроенном городе, соединенном транспортом как с другими городами, так и, в перспективе, с космосом.

Открытому письму, адресованному Г. Уэллсу, предшествует небольшая, содержащая в основном биографические сведения статья о Николае Даниловиче Вольхине, который, как следует из публикации, и написал это письмо. Из нее можно узнать, что Вольхин большую часть жизни был батраком, имея на иждивении жену и восьмерых детей, и «думал тогда только о куске хлеба»; в возрасте 67 лет перебрался из Березовки (сейчас – г. Березовский) на строительство Уралмаша. К моменту написания статьи ему исполнилось 72 года; о его образовании, любви к чтению, особенно зарубежной фантастики, в тексте не упоминается. Однако идеологам газеты «ЗТМ» настолько важно было создать образ утопического города счастья, возведенного неграмотными, измученными непосильным трудом людьми, что они пренебрегли явными несоответствиями между реальной биографией и тем образом автора, который создается в письме к писателю-фантасту. Человек, написавший это письмо, не только хорошо знаком с творчеством Г. Уэллса, но и свободно цитирует его высказывания из «России во мгле»⁴, беседы со Сталиным в 1934 г. Более того, он настолько хорошо владеет родным языком, что в его речь очень органично вплетаются языковые средства художественной выразительности. Автор активно использует риторические обращения и вопросы, анафоры, сравнительные и деепричастные обороты, антитезы и параллелизм конструкций, ряды однородных членов, сложноподчиненные предложения. Кроме того, в тексте присутствуют эпитеты, метафоры, фразеологизмы, метонимии. Значение включенных в текст для создания утопии эпитетов усиливается их многократными повторами и синонимичностью: «огромный» (9 раз), «большой» (2), «гигантский» и «грандиозный»; «новый» (9); «великий» (4) и «могучий» (2); «счастливый» (4), «любимый», «прекрасный». В то же время эпитеты, характеризующие прошлое, употребляются не более одного-двух раз и имеют ярко выраженную негативную окраску: «голодный» (2), «измученный», «зловонный», «разрушенный», «разваленный», «допотопный». Эффект кольцевой композиции создается благодаря использованию развернутой метафоры в начале и в конце описания нового мира: «Сталин... сквозь бурю, ненастье и шквалы провел нашу страну к счастливой жизни» и «Сталин... провел нас через бури и борьбу к новой жизни». Анализ стилистических особенностей

⁴ В 1921 г. была издана в Болгарии, в 1922 г. – три издания, но на Украине.

текста позволяет предположить, что автором этого письма мог быть и сам Л. Авербах, принимавший активное участие как в редактировании газеты, так и в создании сборника «Стахановцы Уралмаша» (1936)⁵.

Город счастья

Вплоть до 1937 г., пока секретарем Орджоникидзевского райкома ВКП(б) был Л. Авербах, на страницах газеты «ЗТМ» создается утопический образ цветущего города счастья. Уралмаш осознается создателями газеты именно как город, а не район Свердловска, что проявляется прежде всего в выборе лексических единиц для его наименования: «социалистический город», «наш город», «город УЗТМ», «город Уралмаша», «город советских машин», «город счастья», «город-сад», «город Серго», «красавец Уралмаш». Эти названия полностью исчезают со страниц газеты в 1937 г., когда Л. Авербах был отстранен от работы, только в праздничном ноябрьском номере в комментарии к фотографии города сохранились остатки прежней риторики: «По воле партии и правительства усилиями строителей на месте сплешного леса вырос замечательный перве-

⁵ Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937) – литературный критик, племянник Я. Свердлова. В 1918 г. – редактор первой комсомольской газеты «Юношеская правда»; в 1922 г. – ответственный редактор журнала «Молодая гвардия», тогда же вышла его книга «Ленин и юношеское движение»; в 1926–1932 гг. – генеральный секретарь Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей и редактор журнала «На литературном посту» [Между молотом и наковальней, с. 40]. В 1930 г. становится ответственным редактором смоленской газеты «Рабочий путь» (при его участии вышли № 52–178) [Горький и Л. Авербах, с. 571]. В 1932 г. утвержден секретарем редакции «Истории фабрик и заводов» [Там же, с. 572]. Как отмечает автор публикации переписки М. Горького и Л. Авербаха, «помимо организаторских способностей, Горький ценил в молодом критике умение прислушиваться к замечаниям и учиться настоящему литературному делу» [Там же, с. 571]. «Я многократно говорил Вам, что Ваше дело – литература. Учитесь, Леопольд», – писал ему Горький [Там же, с. 631]. Н. Мандельштам в своих воспоминаниях писала о том, что Авербах был «типичнейшим человеком первого революционного десятилетия. Так думали, рассуждали и говорили все адепты новой религии во всех областях. В их речах чувствовался задор – они любили поучать и ошеломлять. Они взяли на себя роль свержения кумиров, то есть старых ценностных понятий» [Цит. по: там же]. С марта 1934 г. по май 1935 г. Авербах работает в Свердловске секретарем парткома УЗТМ, затем секретарем Орджоникидзевского райкома ВКП(б). В начале апреля 1934 г. он пишет Горькому из Свердловска о том, как складывается его день на заводе, сожалеет, что на Уралмаше сочетаются «изумительные здания, последние в мировой технике станки, дьявольски смелый размах проектировки и мучительные просчеты, и держащие нас за горло диспропорции мощности цехов и некомплектность оборудования, и уже грязь, и уже сквозь плохие крыши течет вода на машины, за которые страна платила тысячи золотом, и варварская нехватка жилья, прачешных, ни одного клуба, ни одной библиотеки!» [Там же, 629]. Он привычно повторяет фразу, постоянно в разных вариациях звучащую на страницах заводской газеты: «А ведь Уралмаш – это новый город, на площадке которого еще совсем недавно впервые застучали топоры по соснам» [Там же]. Однако уралмашевцы не оценили его вторжение в местную жизнь: «Изгнанный из большой литературы, Авербах заполнял своими пустыми и трескучими статьями страницы заводской газет» [Неизвестный Уралмаш, с. 205]. «Праздником души стал для него процесс над так называемыми “поджигателями” кузнечно-прессового цеха, где общественный обвинитель Авербах произнес необычайно напыщенную, но совершенно пустую речь, избобилующую цитатами, как правило, совершенно не к месту, из романов Стендаля и Бальзака» [Там же, с. 206]. Авербах был арестован 4 апреля 1937 г. по обвинению в создании троцкистской группы в литературе, связи с врагом народа Г. Ягодой (мужем его сестры), а также «спаивании» сына М. Горького [Горький и Л. Авербах, с. 576].

нец сталинских пятилеток – Уралмашзавод и социалистический город – Уралмаш» (1937, 7 ноября)⁶, но буквально за месяц до выхода этого номера появляется словосочетание «наш социалистический городок», одним суффиксом разрушающее тщательно создаваемую утопию (1937, 3 октября). В статье «Наш город должен быть цветущим садом» объясняется цель создания этой утопии: «Лучший в мире завод должен иметь лучший по оформлению соцгород», а также создаются два контрастных образа «чужого» и «нашего» города: «Грязные рабочие кварталы, вонь помойных ям, чахлая зелень редких сквериков – спутники капиталистических заводов» и «красивейшие деревья страны, аромат садов и парков, цветы, кустарники, зеленые чистые улицы – спутники социалистических городов» (1934, 1 сентября). Тема «цветущего города» продолжается в заголовках и лозунгах следующих номеров: «Городом-садом должен стать город УЗТМ», «В каждую квартиру – цветы! Каждую улицу – в зелень!», «Шефствуйте над деревьями!», «Мы и зимой должны жить среди цветов» (1934, 29 сентября), «Озеленим город!» (1935, 23 марта). Даже в традиционном для тех лет вызове на социалистическое соревнование те же «цветущие» образы: «Борясь за превращение города Уралмаша в цветущий сад, мы, уралмашевцы, проводим сейчас осеннее озеленение города» (1934, 6 октября).

О том, что идея актуализации на страницах газеты образа города-счастья принадлежала именно Авербаху, свидетельствует факт ее реализации прежде всего в тех текстах, автором которых указан он. Так, например, свою речь на открытии конференции он завершает призывом: «Для этого мы наших людей должны... вовлечь в культурный поход, чтобы наш город был культурным, передовым городом, стал счастливым городом тысяч рабочих Уралмашзавода» (1934, 20 ноября). Именно Авербах на заседании завкома УЗТМ предлагает ввести «значок Уралмаша для поощрения лучших людей завода», дающий право на ряд льгот и привилегий (1935, 9 марта). В репортаже с партийной конференции дорожного отдела также цитируются слова Л. Авербаха, который «указал строителям на очередные практические вопросы благоустройства нашего социалистического завода и города», объясняя это тем, что «наши дороги, скверы, газоны должны быть достойными завода-гиганта с мировой техникой» (1935, 27 марта). Роль газеты в преображении города подчеркивается и в других текстах: «Мы видели, что в этой организации масс на борьбу за переделку крупнейшую роль сыграла наша газета “ЗТМ”. Газета систематически показывала людей, газета систематически организовывала людей на борьбу за культуру» (1934, 20 ноября). Изменения в облике города также фиксируются на газетных страницах: «Сейчас, когда Уралмаш принимает образ города, когда его мощные улицы все дальше оттесняют лесные массивы,

⁶ Здесь и далее ссылки на публикации в газете «ЗТМ» даются в круглых скобках с указанием даты выхода номера.

вспоминается старое житье-бытье» (1935, 18 марта), «На наших глазах растет социалистический город Уралмашзавода» (1936, 5 октября). Весь номер за 12 марта 1935 г. посвящен достижениям строителей: открывается он статьей «Меняется лицо нашего города», посвященной завершению строительства торгового корпуса фабрики-кухни и завершающейся призывом «по-социалистически строить социалистический город», продолжает тему заметка уралмашевских архитекторов «Мы можем и должны строить лучше», а также статьи с фотографиями, посвященные только что введенным в эксплуатацию новостройкам (1935, 12 марта).

Однако буквально в следующем номере под заголовком «Очистим город!» в утопической картине строящегося соцгорода появляются фрагменты реальной жизни барачных поселков, в которых проводится очистка уборных от нечистот: «Все уборные разгромлены, стены у уборных сломаны, полы разворочены» (1935, 14 марта).

Критика «временных недостатков»

Вместе с тем, благодаря газете жители Уралмаша имели возможность критиковать конкретные недостатки и (в рамках дозволенного) указывать начальству на недоработки. Цензурные органы не всегда могли уловить ту грань, до которой могли доходить критические замечания, публикуемые в газетах, что, к примеру, отмечалось в докладной записке Свердловского обллита о работе райлитов за 1935 г.: «...имеются отдельные случаи, когда работники райлитов вследствие недостаточной квалификации и политической грамотности и сами допускают перегибы, снимая материал, могущий быть опубликованным в печати» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 90]. В качестве одного из примеров упоминается и заводская газета на Уралмаше: «Бывший уполномоченный при УЗТМ тов. Шавкунов снял из газеты “За тяжелое машиностроение” статью “Принудительное развлечение”, в которой указывалось о недостатках в области культурного обслуживания рабочих (сохраняем написание оригинала. – Е. Е.)» [Там же].

В реализации утопии в газетной риторике активно участвуют сами уралмашевцы, что достигается использованием личных («мы») и притяжательных («наш») местоимений и личных форм глаголов первого лица множественно числа в газетных заголовках-лозунгах («Будем растить и беречь *наш* город», «В каждом уголке города *водворим* культуру, заботу о насущных нуждах трудящихся», «По докладу о культурно-бытовом обслуживании *слово имеют* жильцы города Уралмаша» (1935, 18 марта), «*Мы* еще *строим* чересчур дорого» (1935, 21 марта), «Хорошие дороги нужны *нашему* городу» (1935, 27 марта) и подписях к фотографиям: «Вот он, *наш* город, выстроенный ударниками городского строительства» (1935, 26 марта), «*Наш* город три года тому назад» (1935, 10 сентября), «*Наш* город» (1935, 16 сентября), «Чисты и

благоустроены улицы *нашего* города» (1936, 15 ноября) и т. п. В текстах газеты появляется мотив завода как родины: «Уралмаш является родиной» для тех, кто с первых дней был вовлечен в его строительство (1935, 18 марта), а также для тех юных жителей, которые здесь родились («Их родина – Уралмаш» (1935, 1 мая)). Кроме того, создатели утопии находят «покровителя» для нового города-счастья, имя которого постоянно появляется на страницах газеты в заголовках («В городе Серго», «В городе Серго не должно быть ”забытых поселков”» (1935, 6 июля), «День города имени Серго» (1935, 30 сентября)), подписях под фотографиями («Растет и ширится город Серго» (1935, 11 сентября), «Улица города Серго» (1935, 20 сентября)) и просто в текстах статей: «...мы поселились в городе Серго» (1935, 4 июня), «Выйди на улицу, пролетарий города Серго!» (1935, 6 июля). Административная подчиненность Уралмаша городу Свердловску и его районный статус практически не упоминаются в газете, в сознании ее читателей укореняется мысль, что они живут в городе Серго, зеленом и цветущем городе-саде, городе-счастье, в центре которого – завод заводов УЗТМ.

Уверенность в том, что вокруг завода строится новый социалистический город, жители которого вправе претендовать на лучшие условия работы и жизни, проявляется и в том, что целый ряд статей в эти годы посвящен озвучиванию требований уралмашевцев строить не только комфортное жилье, но и культурные и социально значимые объекты: больницы и санатории, стадион и цирк, кинотеатры, клубы и библиотеки и т. п. Воплощение утопии в жизнь кажется в эти годы настолько реальным, что в этот же перечень неотложных нужд попадают, например, строительство аэродрома («На Уралмаше должен быть оборудован аэродром, и Уралмаш должен иметь свой самолет!»⁷ (1935, 28 октября)) и открытие «вечерней музыкальной школы для взрослых» и «вечерней рабочей консерватории на Уралмаше по классу пения, рояля, скрипки и виолончели»⁸ (1936, 3 июня). Сообщая о приезде на Уралмаш С. Прокофьева, редакция при помощи лексического повтора в подзаголовке акцентирует внимание на соразмерности величин: «Посещение *большим* композитором *большого* завода» (1935, 29 марта). Непреклонность этих заявлений подчеркивается выбранной в большинстве случаев для

⁷ Это требование не прихоть и не странная фантазия замечтавшихся уралмашевцев. В 1920–1930-е гг. призыв «Строй самолеты!» звучит повсюду: «В мае 1923 г. британский министр лорд Керзон зачем-то лезет к РСФСР со своей суровой нотой. А наши ему отвечают дальнейшим строительством огромного военно-воздушного флота. Теперь самолет вообще везде. В газете. В кино. На платье. Часто у него вместо пропеллера кукиш. <...> В каждом парке культуры и отдыха появляется парашютная вышка – любимое развлечение молодежи. Учись летать! Готовься к труду и обороне! И сдавай деньги на самолеты – тебе с них прыгать!» [История глазами Крокодила, с. 115].

⁸ Приобщение к классической музыке становится для советского человека доказательством, прежде всего самому себе, высокого уровня жизни: «– Замечательно вчера пастух играл. / – На дудке? / – Да нет, на рояле, ноктюрн Шопена» – и собственных способностей не только к тяжелому физическому труду: «Симфония Бетховена исполняется здесь недурно. Но не слишком ли это сложно для колхозников? / Да вы спросите у самих колхозников, когда они кончат ее играть» [[История глазами Крокодила, с. 92, 97].

заголовков статей формой инфинитива или повелительного наклонения глагола: «*Не смейте откладывать* в долгий ящик строительство стадиона» (1934, 17 июля), «*Создать* широкую сеть культурных, работающих по-советски магазинов» (1934, 27 июля), «Уралмаш *должен иметь* образцовый аэроклуб» (1935, 11 ноября), «Уралмаш *должен иметь* детскую поликлинику» (1935, 16 ноября), «Нам *нужен* свой клуб» (1936, 15 апреля), «*Создать* авиационную базу на Уралмаше» (1936, 3 августа), «*Создать* бассейн на Уралмаше» (1936, 28 августа), «*Продолжить* работу цирка на осень» (1936, 8 сентября), «*Сделать* здание кинотеатра красивым» (1936, 15 октября). Использование в заголовках вопросительных предложений также позволяет создать эффект звучащих голосов самих уралмашевцев, передать их эмоциональный настрой: «*Когда ж наконец* на Уралмаше будет ночной санаторий?» (1935, 1 апреля). Помимо перечисления обязательных, с точки зрения редакции «ЗТМ», элементов социалистического города, авторы газеты включают в статьи размышления о том, насколько важно организовать свободное время рабочих: «После гудка в сумерки молодые стахановцы, помимо театров и кино, группами уходят в лес на лыжах, группами на коньках катаются по льду катка, а наутро с новыми силами свежими, бодрыми и жизнерадостными приходят на смену к своим станкам и агрегатам» (1935, 8 декабря). Публикуя на страницах газеты тексты советских песен и занимательные факты, редакция газеты обрамляет их призывами: «*Пойте и веселитесь*» (в начале полосы), «*А завтра выйдем на работу с новой силой и энергией*» (в завершение полосы) (1936, 24 июля). В этих «подсказках» читателю наиболее отчетливо проявляется роль газеты в реализации социалистической утопии.

Новое летоисчисление Уралмаша

Наряду с образом нового города-счастья, на страницах газеты «ЗТМ» создается новое летоисчисление, берущее начало с момента пуска завода. Номер за 15 июля 1934 г. предваряют лозунг «Вступаем во второй год освоения» и две даты в рамках, выделенные красным цветом и расположенные по бокам от заголовка газеты: «1933 г. 15 июля. Пуск завода» и «1934 г. 15 июля. Годовщина пуска». Помимо простой констатации праздника, в статье «Трезвость и непримиримая страстность» представлена попытка осмыслить эту дату и подсказать читателю, как он должен относиться к «годовщине пуска завода» («мы встречаем ее с противоречивыми чувствами»), как расшифровывать его аббревиатуру: «Буквы УЗТМ на воротах, привычные и буднично каждодневные, начали читаться со свежестью нового ощущения завода, гордостью, счастливым волнением», однако «ко всему этому присоединяется чувство горечи» (1934, 15 июля). Следуя логике автора статьи, уралмашевцы должны были гордиться тем, что всего за пять лет на месте леса был построен завод заводов, который будет впервые на

территории Советского Союза производить «десятки типов машин», что сделает страну свободной «от какой-либо технико-экономической зависимости от капиталистических стран», и сожалеть о том, что можно было «дать больше машин», «осваивать завод быстрее», «учиться лучше» (Там же). Отсчет времени с момента пуска завода продолжается и в следующих номерах газеты: «Два года назад, 15 июля 1933 года, вступил в строй действующих гигантов социалистической промышленности наш Уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе». Причем читателям по-прежнему не дают забыть про внутреннюю «противоречивость» этой даты: «Мы должны стране гораздо больше, чем дали ей» (1935, 15 июля). Статья «Три года», посвященная «вступлению в четвертый год освоения своей первоклассной и могучей техники», уже привычно завершается призывом «не зазнаваться, не успокаиваться, а смело и уверенно идти вперед к овладению высотами техники» (1936, 15 июля). Характерно, что в 1937 г. на страницах газеты отмечается четвертая годовщина со дня пуска завода, однако семантика праздника меняется кардинальным образом: в статье перечисляются достижения в машиностроении, но нет упоминания о социалистическом городе (1937, 15 июля). Стремление к новому летоисчислению проявляется и в других памятных датах, которые появляются в газете: «Прошел год со дня выхода первого номера нашей заводской технической газеты "Уралмаш"» (1935, 16 ноября); 9 апреля 1936 г. редакция «ЗТМ» принимает на своих страницах поздравления с выходом своего тысячного номера; «школа ФЗУ Уралмаша... открылась 15 марта 1931 г. и сегодня празднует свой пятилетний юбилей»⁹ (1936, 5 июля). Кульминацией нового летоисчисления становится «Календарь большевистских побед», опубликованный 12 августа 1936 г., в котором все даты с 1928 по 1933 г. связаны с началом строительства цехов или какими-либо техническими достижениями в них.

Переход к новому времени подчеркивается и постоянно используемым на страницах газеты приемом противопоставления нового мира старому. В статье, посвященной годовщине пуска завода, акцент на этом контрасте делается посредством эпитетов и лексического повтора в рамках одного предложения: «Но *завтрашний* день принадлежит нам – это наш замечательный красавец Уралмаш выстроен и оборудован по плану людей страны, *нового мира*, отбирающих только лучшее и самое *современное* для того, чтобы заводы этих людей, этой страны, этого *нового мира* были бы лучшими...» (1934, 15 июля). Описывая поездку советского инженера на стажировку в германскую машиностроительную фирму «Деаг», автор статьи настолько увлечен критикой капиталистического (для него это синоним слову «старый») мира, что не замечает, насколько абсурдно в данном контексте выглядит его ирония:

⁹ Здание школы ФЗУ было заложено в мае 1930 г., а в марте 1931 г. закончено ее строительство. Однако юбилей отмечается 5 июля: весь номер газеты «ЗТМ» за это число посвящен школе ФЗУ.

«Молодого советского инженера обступили пожилые конструктора капиталистической фирмы и с удивлением людей *старого мира к миру новому* спрашивали...» (1934, 15 июля). Эпитет «новый» переносится и на самих уралмашевцев, представляющих этот мир: «В короткой, яркой речи секретарь парткома завода тов. Авербах рассказал о том, как выковываются *новые* люди на Уралмаше...» (1934, 10 ноября). Для появления новых людей, как полагает один из авторов газеты С. Бубенщиков, достаточно шести лет, так как «в этот срок вырастают не только *новые* заводы, социалистические города, но на этих заводах и в этих городах вырастают прекрасные кадры – инженеры, техники, летчики, парашютисты, *новые* люди *новой* эпохи» (1935, 24 августа). Несмотря на ярко выраженную устремленность всех материалов газеты вперед, в будущее, ее создатели боялись не успеть за движением общественной мысли, отстать от времени, что было характерно и для других редакций, работавших в 1930-х гг.¹⁰ В опубликованном под заголовком «Мы должны смотреть вперед» выступлении Елизарова на стахановской конференции¹¹, помимо гордости за то, как «мы быстро двигаемся вперед» по сравнению

¹⁰ Еще в 1930 г. участники первого пленума редакционного совета Уральской советской энциклопедии обсуждали вопрос, который уже тогда казался им «щекотливым» и «болезненным»: будет ли редакция энциклопедии успевать за теми изменениями, которые происходят в стране? Один из участников пленума сформулировал эту проблему образно: «...в течение двух лет мы далеко шагнем, и первые буквы будут написаны в условиях Средневековья, что ли, а последние буквы – в условиях вхождения в социализм» [ГАСО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 2. Л. 49, 54].

¹¹ Елизаров Николай Владимирович (наст. имя – Цзян Цзинго, 1910–1988) родился в Китае, сын Чан Кайши. Фамилию Елизаров взял, когда поселился в Москве, в семье сестры В. И. Ленина А. И. Елизаровой-Ульяновой. В автобиографии, написанной по случаю вступления в партию, указан 1909 г. р. [ЦДООСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 120. Л. 3]. В конце 1925 г. «по рекомендации и путевке ЦК Китайской коммунистической партии» приехал в СССР, с 1925 по 1927 г. «учился в Московском коммунистическом университете трудящихся Китая»; в начале 1927 г. «послан на учебу в военную школу особого назначения, после окончания которой «поступил учиться в военно-политическую академию РККА им. Толмачева в Ленинграде» [Там же]. В 1927 г. в открытом письме к отцу, опубликованном в советских и зарубежных газетах, «открыто и твердо заявил о прекращении всякой связи с Чан Кайши и объявил его злейшим врагом народа» [Там же, л. 4]. Окончив в 1930 г. академию, был на заводе рядовым рабочим, затем в колхозе «работал председателем и вместе с колхозниками выполнял полевую работу» [Там же, л. 3]. В 1932 г. послан ЦК ВКП(б) в распоряжение Уральского обкома ВКП(б), который, в свою очередь, направил его на Уралмашзавод, где «2 года работал помощником начальника механического цеха № 1 и 2 года работал в редакции “За тяжелое машиностроение”» [Там же, л. 4]. С 16 сентября 1935 г. стал исполняющим обязанности ответственного редактора заводской газеты. После ареста Авербаха был вынужден перейти на работу в Свердловский горисполком и работал там до ареста секретарей городского и областного комитетов ВКП(б) М. В. Кузнецова и И. Д. Кабакова. В 1937 г. был обменен на советских разведчиков, приговоренных к тюремному заключению в Китае, и отправлен вместе с женой и сыном (женится в 1935 г. на уралмашевке Фаине Ипатьевне Вахревой, в 1936 г. родился сын Эрик) на родину «воздействовать на отца» [Неизвестный Уралмаш, с. 229]. В Китае он стал губернатором административного района Ганнань провинции Цзянси, в 1945 г. возглавил отдел иностранных связей военно-политической администрации Северо-Восточного Китая, руководил молодежным движением Гоминьдан. Затем, уже на Тайване, стал министром обороны и национальной безопасности, а после смерти отца в 1975 г. – Президентом Республики Китай (Тайвань) [Там же, с. 227–230].

с вчерашним днем, явно прочитывается страх опоздать («Вместе с тем мы видим еще большую опасность всякого отставания хотя бы на один час» (1936, 3 июня)) и вызвать смех у окружающих: «И если некоторые хозяйственники нашего завода не хотят, чтобы года через два люди смеялись над ними так же, как мы сегодня смеемся над Городновым, то они должны понять, что больше нельзя работать так, как они работали сегодня». Если они не хотят «идти не только в ногу, но и во главе стахановцев», то «будут заменены передовыми стахановцами, и... движение будет идти вперед без этих обозников...» (Там же). Слова Елизарова оказались пророческими прежде всего для руководства газеты.

Жители утопического города

Особое внимание на страницах газеты уделялось жителям Уралмаша, для которых, с одной стороны, создавался образ утопического города и которые, с другой стороны, должны были стать его неотъемлемой частью. Эпитет «золотой», который неоднократно использовал в своих выступлениях и статьях Л. Авербах по отношению к рабочим, и сравнение их с валютным фондом подчеркивает ту роль, которую он отводил именно человеческому ресурсу: «Вы не должны забывать, что старые кадровые рабочие Уралмаша – это наша гордость, наш *золотой фонд*, самое дорогое на нашем заводе» (1934, 14 октября): «Мне хочется обратить ваше основное внимание на тех, которые работают свыше трех лет здесь на заводе, на эту *главную валюту*, на этот главный *золотой капитал*, который мы собрали» (1935, 2 апреля). В статье «Главное – это люди», автор которой не указан, утверждается та же идея Л. Авербаха: «Пора понять, что кадровые рабочие – это *золотой фонд* завода. Кадры есть *самый ценный капитал*» (1936, 4 сентября). Редакция газеты постоянно публиковала так называемые «личные истории» уралмашевцев, сюжеты которых, несмотря на все многообразие имен и фамилий, чаще всего строились по одной схеме: описание тяжелой жизни рабочего или батрака, известие о строительстве фантастического города-завода, приезд и обретение счастья на Уралмаше, этапы роста, реализуемого в получении профессии и повышении квалификации, вступление в ряды стахановцев или сочувствующих партии. Наиболее репрезентативно эта жизненная канва воплощена в истории Ивана Федоровича Батуева. В прошлом – батрак, кузнец, в 1932 г. он узнал из писем друзей «о большом заводе... под Свердловском», на котором «выстроили большую кузню» («стоят в этой кузне огромные молоты, прессы, работают сами, только управлять ими нужно»), за три года освоил работу на пятитонном молоте, стал стахановцем и готовится вступить в члены партии (1935, 20 декабря). Совершенно иные биографические данные, но та же событийная канва читается в истории жизни уже упоминавшегося «автора» письма Г. Уэллсу: узнав из дошедших до Березовки слухов, что «в Свердловске началось строительство гигантского завода», Николай

Данилович Вольхин, до революции бывший батраком, перебрался на Уралмаш, возглавил бригаду слесарей по монтажу электроотопительной станции Уралмашзавода и, «седея, помолодел»: в возрасте 72 лет «он по-прежнему бодрый, жизнерадостный» (1935, 7 ноября). Таким образом, анализ событийного ряда в биографических статьях позволяет говорить о создании своеобразного житийного канона первых жителей Уралмаша¹². Кроме того, в газете определяется та цель, к которой они должны стремиться: «От копировальщика к конструктору – творцу машин» (1935, 28 марта), «Стать творцом машины» (1936, 30 мая). Номер газеты за 24 февраля 1935 г. выходит под лозунгом «Любовно выращивать людей, овладевших техникой!», что позволяет подчеркнуть отводящуюся уралмашевцем роль творцов технического прогресса.

Иногда в личных историях уралмашевцев появляется мотив ошибки главного героя, решившего оставить Уралмаш, но вскоре, благодаря вмешательству семьи или редакции газеты, прозревающего и начинающего любить Уралмаш еще сильнее. Так, под общим заголовком «Хочу быть уралмашевцем!» было опубликовано письмо модельщика Евгения Федоровича Тимофеева «Разрешите мне остаться на Уралмаше», в котором он признавался, что из-за пьянства хотел бросить Уралмаш и «поехать за длинным рублем», и письмо его детей «Никуда не поедет отсюда», в котором они отказывались бросать хорошую школу и обещали перевоспитать отца (1936, 30 марта). Редакция газеты, комментируя эти письма, подчеркивала роль семьи в «борьбе с текучестью рабочей силы на нашем заводе»: «Евгений Федорович решил уехать из нашего заводского города *“искать, где лучше”*. <...> Но жена и дети проявили *большой заводской патриотизм* (курсив редакции газеты. – Е. Е.), большую любовь к Уралмашу, становящемуся для них родным местом, чем отец» (Там же). Иногда роль «наставника» для заблуждающегося героя, покидавшего Уралмаш, выполняла сама газета. Например, публикуя в статье «Нет, я не уйду с завода!» письмо строгальщика Пospelова и свои комментарии к нему, редакция газеты стремилась показать читателям, что любые бытовые проблемы (низкий разряд и, как следствие, маленькая зарплата, отсутствие места в яслях для ребенка и работы для жены) могут быть решены, а равноценной замены Уралмашу не найти: «И вот я хочу посоветовать всем товарищам, которые сомневаются и не верят в наш завод, – надо крепко подумать, чтобы уехать с Уралмаша» (1936, 11 августа). Постепенно акцент в этих историях смещается: ошибается уже не сам герой, собирающийся оставить Уралмаш, а те руководители,

¹² Д. Нойтатц, анализируя стенографию автобиографических рассказов первых метростроевцев Москвы, отмечает, что это «не столько пересказанная реальность, сколько специфический литературный жанр, разновидность советского “учебного романа”», когда, осознанно или нет, интервьюируемые создают историю, соответствующую ожиданиям интервьюеров [Нойтатц, с. 297]. Так, «биографии комсомольцев излагались по основополагающей схеме большевистской истории успеха, согласно которой происходило превращение эксплуатируемого, необразованного и политически незрелого батрака в начитанного, идеологически сознательного и культурного передовика производства, который не только постоянно “работает над собой”, но и положительно влияет на свое окружение в духе политики партии» [Там же].

что не создали должных условий для жизни. Так, под рубрикой «Заботой и вниманием окружим каждого работника» редакция публикует несколько писем рабочих, в которых, наряду с признанием в любви к Уралмашу, гордостью за свою работу на заводе и перечислением своих достижений, содержится не прямой шантаж: «Или, может быть, мне сделать так, как делают некоторые работники нашего завода, то есть взять расчет и уехать на другое место?» (1936, 4 сентября). Правильный ответ тут же дают сами авторы писем: «Нет, я не хочу уходить с Уралмаша, потому что я его люблю»; «Я считаю себя настоящим уралмашевцем, я сроднился с заводом, и никогда мне в голову не приходит мысль уехать отсюда»; «Мы требуем от администрации... чуткого отношения... Перепелкин должен получить квартиру»; «Мне трудно оставлять завод» (Там же). Так постепенно формировалась идентичность уралмашевцев, осознававших себя как особую категорию достойных людей¹³. Наиболее репрезентативно процесс самоидентификации представлен в статье «Я – уралмашевец!»: в ней фрезеровщик модельного цеха Семушин вспоминает начало строительства, даты пуска цехов, выпуск первой продукции, он гордится встречей с приехавшими на Уралмаш Молотовым, Ворошиловым, Бубновым, называет завод «сгустком мировой техники» (1936, 16 августа). «И трудно верится, что когда-то там, где стоит сейчас мой цех, я однажды поймал зайца», – удивляется автор воспоминаний и завершает их безапелляционным утверждением: «Я – уралмашевец! Я горжусь этим званием и с честью ношу его» (Там же). Таким образом, поставленная Л. Авербахом в статье «За сколачивание и сплочение уралмашевского коллектива» цель воспитать «у всех работающих чувство гордости» и желание «с честью работать на Уралмаше» реализуется практически мгновенно (1936, 11 августа). В этой же статье Авербах определяет основные средства влияния на рабочих – «общественное воздействие, общественное презрение, общественное мнение коллектива», которые он и использует на страницах газеты для создания особого самосознания уралмашевцев, жителей города-счастья.

Причастность каждого жителя к строительству и обустройству утопического города подчеркивается постоянной публикацией статей о роли самых отдаленных от этого процесса, как может показаться на первый взгляд, слоев населения: домохозяек и жен работников ИТР, уборщиц и дворников. Их значимость подчеркивается в первую очередь высоким статусом мероприятий, которые проходят с их участием и освещаются на страницах газеты. Так, в заметке «Пленум уборщиц» сообщается о состоявшемся «совещании поломоек, убор-

¹³ Формирование особой идентичности происходит и на других «стройках века». Д. Нойтатц, отмечая, что «трудовой коллектив Метростроя не был единодушным сообществом гордых метростроевцев», все же приходит к выводу, что «рабочие смогли развить идентичность „метростроевца“» [Там же, с. 369]. Исследователю представляется убедительным объяснение особой исключительности метростроевцев, данное уполномоченным по кадровым вопросам Метростроя сотрудником ОГПУ Кузнецовым, побывавшем на множестве заводов и строек и считавшим, что «строителям метро был присущ больший энтузиазм, чем другим рабочим», потому что «метростроевцы ощущали „исключительность стройки“ и значение метрополитена» [Там же, с. 370].

щиц, посудниц» (1934, 17 августа). Результатом «этого своеобразного пленума» стало решение «каждую пятницу проводить генеральную уборку столовых», но для его участников намного важнее чувствовать свою приобщенность к «пленуму» и читать о себе в газете, чем сам итог мероприятия (Там же). Редакция информирует о прошедшей в клубе «конференции работниц, жен рабочих, ИТР и служащих механического цеха» (1936, 6 марта), о предстоящей «конференции покупателей по вопросу обслуживания покупателей, улучшения и увеличения ассортимента товаров и устранения имеющихся недостатков» (1936, 23 марта), чтобы создать в сознании читателей иллюзию непосредственного участия каждого уралмашевца, независимо от его социального статуса, в строительстве города-счастья. Поэтому вполне убедительно звучат завершающие письмо жены мастера слова: «Дело за нами – домохозяйками» (1935, 1 мая). Благодаря газете меняется образ домохозяйки: из «неграмотной, вечно всем и всеми недовольной, распространяющей всякие нелепости и сплетни» она превращается в женщину, занимающуюся «вопросами государственной важности, решает дела о благополучии области, края, республики», что подтверждается публикацией писем самих домохозяек, рассказывающих о своих достижениях (1936, 16 января). В праздничном номере, посвященном Международному женскому дню, целая полоса газеты с «простыми рассказами о себе» женщин Уралмаша выходит под лозунгом: «Работницы и домохозяйки учатся управлять государством и овладевать техникой» (1936, 8 марта). Чтобы «каждая домохозяйка, жена рабочего, знала о своем заводе, который для нас так мил и дорог, о его работе, о работе своего мужа, как он работает и чем ему можно помочь в выполнении производственной программы, создавая условия в домашнем быту», организуются экскурсии по цехам завода, о чем также сообщается в газете (1936, 9 февраля, 16 марта). Не менее значимую роль в общественной жизни Уралмаша играют и дворники. В публикации под названием «Доклад дворника» именно дворник определяется как «заботливый *хозяин* нашего социалистического *города*» (1936, 30 июня), а под фотографией Ф. Т. Смирных в фуражке с надписью крупными буквами «Дворник» сделана подпись: «На снимке: лучший дворник Уралмаша, участник хора [стариков]» (1936, 8 октября). Поставленная Л. Авербахом задача сплотить жителей социалистического города решалась на страницах газеты благодаря этим публикациям, объединявшим людей, работавших на станках, и тех, кто готовили для них обеды и подметали улицы, ведущие к заводу.

«Здесь рождается будущее»: образ счастливого детства

Особое внимание редакция «ЗТМ» уделяла освещению темы детей и детства на Уралмаше, преемственности поколений. В газете размещалась информация не только о строительстве и работе детских

учреждений, которые должны были стать лучшими или, по крайней мере, образцовыми: «Дети Уралмаша будут иметь свою библиотеку» (1934, 17 июля), «Уралмаш должен иметь детскую поликлинику» (1935, 16 ноября), «День в родильном отделении Уралмаша» (1936, 12 апреля), «За образцовое родильное отделение» (1936, 16 июня), «О детских садах Уралмаша» (1936, 1 июня), «Дети в санатории» (1936, 16 июля), «Школьное строительство на Уралмаше» (1936, 17 июля), «Построим на Уралмаше образцовый родильный дом» (1936, 8 октября), «Новые ясли» (1936, 17 октября). Публиковались детские письма, создавались страницы для детей, полностью посвященные жизни школьников (1936, 6 марта, 1 апреля, 18 октября), 7 ноября 1935 г. вышел первый номер приложения к газете «Уралмашские ребята», который планировалось издавать еженедельно (1935, 30 октября). Одна из детских страниц была полностью посвящена творчеству детей дома «Пила»¹⁴, рассказывавших «о своей жизни, желаниях и обидах» (1936, 24 мая). В комментариях к материалам из жизни юных уралмашевцев редакция отмечала: «Они [школьники] готовятся стать всесторонне развитыми и культурными рабочими» (1935, 12 декабря). Та же идея преемственности поколений звучит в стихотворении Н. Николаева «Ровесники Уралмаша»: «Растите скорей, малыши, / Вы встанете рядом с отцами / У топок, станков и машин» (1936, 15 июля). «Дети еще были в пеленках, когда я начинал работу... Вырастут большие – передам им свою любовь к Уралмашу, пусть продолжают то, что начал их отец», – вспоминал один из первых строителей (1935, 21 октября). Именно дети должны были стать той высокой целью в будущем, ради которой строители города-счастья претерпевали столько трудностей в настоящем, что подчеркивается заголовком статьи о работе акушерского отделения поликлиники в 1934 г.: «Здесь рождается будущее» (1935, 1 февраля). Для детей, родившихся на Уралмаше, завод должен был дать ощущение родового гнезда, с которым связано множество детских воспоминаний и которое невозможно оставить.

«Письмо о счастье»: язык газетной утопии

Эмоциональный фон газеты создается благодаря постоянному повтору таких лексических единиц, как «счастье», «веселье» и «радость». О каких бы событиях на Уралмаше ни сообщалось в газете, все они происходят «весело» и «радостно»: «Дети рабочих Уралмаша *радостно* начали учебный год» (1934, 3 сентября), «Я с *радостью* переходил к поковкам болванок от 13 до 25 тонн. <...> Но *самые радостные* дни и для меня, и для моей бригады наступили тогда, когда нам поручили первую поковку в 60 тонн» (1935, 8 июля), «Семья Брусковых умеет хорошо и *весело* отдыхать» (1936, 28 марта), «*Радост-*

¹⁴ Дом по пр. Орджоникидзе, 12, построенный из шести корпусов, расположенных под углом в 90 градусов друг к другу.

но и весело мы встречаем международный пролетарский праздник 1 мая» (1936, 28 апреля) и т. п. Более того, сама «радость» становится событием, вокруг которого формируется новость: на Уралмаше проходит «Митинг радости», на котором иностранный рабочий Пирх, проработавший на заводе пять лет, признается, что нашел здесь «свою настоящую родину» (1936, 15 июня). В заголовке к статье, посвященной митингу в день утверждения новой конституции, редакция, не задумываясь над лексической сочетаемостью слов, использует словосочетание «Колонны радости» (1936, 8 декабря). Постоянным употреблением слов «счастье», «счастливым» на страницах газеты создается образ счастливого жителя социалистического города, что также способствует укоренению в сознании читателей осознания того, что утопическая мечта реализуется на их глазах, и они являются непосредственными участниками процесса. Под лозунгом «Советская женщина – самая счастливая в мире!» выходит праздничный мартовский номер газеты, в котором публикуются личные истории женщин, так или иначе связанных с обретением счастья на Уралмаше: «Вот почему я самая счастливая», «Радостные и счастливые встречаем мы женский праздник» (1936, 8 марта) и др. В этом же номере отдельная полоса посвящена судьбе женщины в царской России: публикуя специально подобранные отрывки из очерков В. Короленко, «Воспоминаний» А. Панаевой, стихотворений Н. Некрасова и Т. Шевченко, пословицы из словаря В. Даля, «жуткие цифры» о «торговле женщинами» в дореволюционной России, редакция создает контраст, который еще больше подчеркивает счастье советской женщины, особенно на Уралмаше. Не менее выразительно противопоставление счастливых работниц Уралмаша «самым несчастным» женщинам капиталистических стран, которому посвящен весь номер газеты за 5 июня 1936 г., вышедший под лозунгом «В тисках кровавого фашизма без радости и счастья» (1936, 5 июня). Информация об отсутствии тетрадей и мела в школе для неграмотных не мешает публиковать заметку под названием «Я счастлива, что стала грамотной», поскольку основная цель публикации – напомнить о том, что все происходящее вокруг нужно воспринимать как проявление счастья (1936, 10 мая). «Велико наше счастье!» – лозунг полосы, посвященной проекту постановления правительства о запрещении аборт (1936, 27 мая). Под заголовком «Самая счастливая» публикуется история о том, как одна из жительниц Уралмаша сначала сама «научилась немного писать и читать», потом организовала кружок ликбеза в своем доме, после чего стала депутатом, вступила в ряды сочувствующих, и это «огромное счастье еще больше вдохновило» ее продолжить учебу в партшколе для малограмотных (1936, 28 мая). Заканчивается эта счастливая история безапелляционным утверждением: «Наша жизнь самая радостная, самая счастливая в мире. И она будет еще счастливее, еще ярче» (Там же). История об избавлении от воспаления легких работницы завода А. Бессоновой, чему способствовала полученная на

Уралмаше путевка в санаторий, также называется «Письмо о счастье» (1936, 15 августа). Не меньше, чем женщины, счастливы уралмашевские дети: по случаю окончания учебного года планируется провести «праздник счастливого детства», после посещения парка культуры и отдыха пионеры пишут письмо «Мы пели от счастья» (1936, 18 июня, 15 августа). Через многократное повторение мысль о том, что уралмашевцы – самые счастливые люди, в любой ситуации действующие весело и радостно, внедрялась в подсознание читателей газеты и уже не требовала логических доказательств.

Заключение

О том, насколько успешно была выбрана редакционная политика, направленная на формирование утопического сознания читателей газеты «ЗТМ», свидетельствуют вышедшие в 1950-е гг., то есть через поколение, книги, посвященные истории Уралмаша. В них основные элементы утопии, представлявшиеся в газете как осуществлявшееся на глазах действие, в котором нередко желаемое выдавалось за действительное (цветущий город-сад с развитой инфраструктурой и организованной культурной жизнью, расположенный вокруг ступка мировой техники – завода, ведущего свое летоисчисление и имеющего свою историю, населенного самыми счастливыми людьми, обретшими здесь настоящую родину), представлены как констатация закономерно свершившихся фактов. В подготовленном в 1958 г., спустя 25 лет после пуска завода, издании «ЗТМ» утопия представлена как реализованная: «Бывшие грабари и коновозчики управляют сегодня сложными станками в просторных и светлых цеховых корпусах. А как живут они, мечтавшие о светлом будущем? Вокруг завода раскинулся город-сад». В комментариях к фотографиям и рисункам он везде назван городом: «Район Свердловска... – это настоящий город»; «Разве не о таком городе мечтали первые уралмашевцы!»; «Таково лицо социалистического города уральских машиностроителей» [Уральский..., л. 54–55 об.]. В сборнике рассказов уралмашевцев о своем заводе, опубликованном в том же году, авторы с ностальгией вспоминают о том, как приехали на Уралмаш, нашли свое счастье и построили город-сад, то есть буквально воспроизводят заданные газетой четверть века назад схемы повествования и стереотипы о том, как нужно писать историю Уралмаша. И даже сейчас в воспоминаниях уралмашевцев этот период строительства и становления социалистического города отмечается особо: «До сих пор ощущаю свою кровную принадлежность к Уралмашу, который в 30–50-х годах как-то объединял и работавших на заводе людей, и их детей» [Непридуманные истории..., с. 95]. «Я особенно ценю звание “Почетный уралмашевец”, – отметил в интервью корреспонденту «Областной газеты» Н. И. Рыжков, четверть века проработавший на УЗТМ. – Здесь

я состоялся как инженер, и если бы не школа Уралмаша, моя дальнейшая жизнь была бы совершенно иной» [Рыжков].

В то же время люди, не испытавшие на себе влияние газеты, способные отстраненно воспринимать происходившее в 1930-е гг. на Уралмаше, не склонны к восторженным воспоминаниям. Так, направленный в 1931 г. по заданию журнала «Наши достижения» на строительство УЗТМ писатель М. М. Пришвин писал в своих дневниках, что «оглушен окаянной жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет, правда, ведь и не с чем сравнить этот ужас» [Пришвин, с. 340]. Отстраненность от происходящих событий позволяет Пришвину по-иному воспринимать окружающее: «То, что я увидел на Урале, существует, конечно, и в Москве, но я не могу это в Москве видеть, потому что я хорошо помню вид филипповских калачей, расстегаев» [Там же, с. 332]. Именно отстраненность помогает ему увидеть, как на смену «делу» (так он называет купеческий быт, поведение «деловых» людей, выбившихся из низов в миллионеры) приходит «не-дело», «утопия» [Там же].

До сих пор в памяти людей, всю жизнь трудившихся на Уралмаше и живших в этом районе, сохраняется осознание своей исключительности, оппозиционности городу в целом, и основы этого самосознания были заложены в первые годы существования газеты «ЗТМ».

Список литературы

- Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть : Психосоциальная динамика постреволюционного времени : Россия. 1920–1930 гг. М. : РОССПЭН, 2012. 759 с.
- Горький и Л. Авербах : Неизвестная переписка / публ. О. В. Быстровой // Горький и его корреспонденты. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 564–650.
- Земсков В.* Маяковский на Урале: по новым материалам // Урал. 1958. № 7. С. 130–138.
- История глазами Крокодила. XX век. События. 1922–1937. М. : XX Сенчури Крокодайл, 2014. 271 с.
- Ковтун Е. Н.* Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высш. школа, 2008. 405 с.
- Коньшева Е. В., Меерович М. Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М. : URSS, 2012. 224 с.
- Маяковский В. В.* Екатеринбург – Свердловск // Урал. рабочий. 1928. 29 янв.
- Маяковский В. В.* Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Худож. лит., 1955–1961. Т. 10. 1958. С. 128–131.
- Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. 303 с.
- Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 270 с.
- Между молотом и наковальней : Союз советских писателей СССР : документы и комментарии. Т. 1. 1925 – июнь 1941 г. М. : РОССПЭН, 2011. 1023 с.
- Неизвестный Уралмаш : История и судьбы / сост. С. Агеев, Ю. Бриль. Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2003. 499 с.
- Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост. И. Н. Демченко. Екатеринбург : Автограф, 2013. 200 с.

Нойтатц Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М. : РОССПЭН, 2013. 783 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. СПб. : Росток, 2006. 704 с.

Рыжков Н. И. «Я особенно ценю звание “Почетный уралмашевец”» // Обл. газ. 2014. 27 сент.

Уральский ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе. Свердловск : Свердл. книж. изд-во, 1958. [93 л.].

Уралмаш : Рассказы уралмашевцев о своем заводе. Свердловск : Свердл. книж. изд-во, 1958. 168 с.

References

Ageev, S. & Bril', Yu. (Comp.). (2003). *Neizvestni'y Uralmash: Istoriya i sud'by'* [Unknown Uralmash: History and Lives]. 499 p. Yekaterinburg, Ural'skoe literaturnoe agentstvo.

Buldakov, V. P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast'. Psihosocial'naya dinamika postrevolyucionnogo vremeni: Rossiya. 1920–1930 gg.* [Utopia, Aggression, Power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time: Russia. 1920–1930]. 759 p. Moscow, ROSSPEN.

By'strova, O. V. (Comp.). (2005). *Gor'kiy i L. Averbah : Neizvestnaya perezpiska* [Gorky and L. Averbakh: Unknown Letters]. In *Gor'kiy i ego korrespondenty'* (pp. 564–650). Moscow, IMLI RAN.

Demchenko, I. N. (2013). (Comp.). *Nepridumanny'e istorii, podskazannye lyudskoj pamyat'yu: 30, 40, 50-e gody' XX stoletiya v vospominaniyah detej, davno stavshih vzrosly'mi* [True-Life Stories Prompted by People's Memory: The 1930s, 1940s, 1950s according to Children Who Have Long Been Adults]. 200 p. Yekaterinburg, Avtograf.

Istoriya glazami Krokodila. XX vek. Soby'tiya. 1922–1937. [History as Viewed by Krokodil. The 20th Century. Events. 1922–1937]. (2014). 271 p. Moscow, XX Senchuri Krokodajl.

Kony'sheva, E. V. & Meerovich, M. G. (2012). *E'rnst Maj i proektirovanie socgorodov v gody' pervy'h pyatiletok (na primere Magnitogorska)* [Ernst May and Socialist City Planning during the First Five-Year Plans (with Reference to Magnitogorsk)]. 224 p. Moscow, URSS.

Kovtun, E. N. (2008). *Hudozhestvenni'j vy'my'sel v literature XX veka* [Artistic Fiction in 20th Century Literature]. 405 p. Moscow, Vy'sshaya shkola.

Mayakovskij, V. V. (1928). *Ekaterinburg – Sverdlovsk* [Yekaterinburg – Sverdlovsk]. In *Ural'skij rabochij, January 29.*

Mayakovskij, V. V. (1958). *Rasskaz Hrenova o Kuzneckstroie i o lyudyah Kuznecka* [Khrenov's Story about Kuznetskstroy and Kuznetsk's People]. In Mayakovskij, V. V. *Poln. sobr. soch.* (Vols. 1–13). (Vol. 10, pp. 128–131). Moscow, Hudozhestvennaya literatura.

Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishhem: zhilishhnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937* [Accommodation as Punishment: The USSR Housing Policy as a Means to Control People. 1917–1937]. 303 p. Moscow, ROSSPEN, Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina».

Meerovich, M. G., Kony'sheva, E. V. & Hmel'nickij, D. S. (2011). *Kladbishhe socgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [A Socialist Cities Cemetery: City-Planning Policy in the USSR (1928–1932)]. 270 p. Moscow, ROSSPEN, Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina».

Mezhdru molotom i nakoval'nej : Soyuz sovetskikh pisatelej SSSR : dokumenty' i kommentarii [Between the Hammer and the Anvil: The USSR Union of Soviet Writers: Documents and Commentaries]. (2011). (Vol 1. 1925 – June 1941). 1023 p. Moscow, ROSSPEN.

Nojtatc, D. (2013). *Moskovskoe metro: ot pervy'h planov do velikoj strojki stalinizma (1897–1935)* [The Moscow Metro: From the First Plans to the Great Stalinist Construction (1897–1935)]. 783 p. Moscow, ROSSPEN.

Prishvin, M. M. (2006). *Dnevniki. 1930–1931 zz.* [Diaries. 1930–1931]. 704 p. Sankt Petersburg, Rostok.

Ry'zhkov, N. I. (2014). «Ya osobenno cenyu zvanie “Pochetnyy uralmashevec”» [«I Especially Value the Title of an “Honorary Uralmash Worker”»]. In *Oblastnaya gazeta*, September 27.

Ural'skiy ordena Lenina, ordena Krasnogo Znameni, ordena Trudovogo Krasnogo Znameni zavod tyazhelogo mashinostroeniya imeni Sergo Ordzhonikidze [Sergo Ordzhonikidze Ural Heavy Machine Building Plant Awarded with the Order of Lenin and the Order of the Red Banner]. (1958). Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Uralmash : Rasskazy' uralmashevcev o svoem zavode [Uralmash: Uralmash Workers' Stories about Their Plant]. (1958). 168 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Zemskov, V. (1958). *Mayakovskiy na Urale: po novy'm materialam* [Mayakovskiy in the Urals: Based on New Sources]. In *Ural*, 7, pp. 130–138.

The article was submitted 11.05.2015

Елена Николаевна Ефремова,
кандидат филологических наук,
Свердловская областная
универсальная научная
библиотека
имени В. Г. Белинского,
Екатеринбург, Россия
Efremova.eln@gmail.com

Elena Efremova, Dr.,
Sverdlovsk Regional Universal
Library named after V. G. Belinsky,
Yekaterinburg, Russia
Efremova.eln@gmail.com